JEL: H32, R12, R58
УДК 332+338

<https://dx.doi.org/10.14530/se.2021.1.035-065>

Эффективность политики регионального развития на Дальнем Востоке России: финансовая оценка на базе микроданных резидентов ТОР

Е. Сига, В.К. Кан

Сига Есисада

Ph.D (Economics)

научный сотрудник

Институт экономических исследований Северо-Восточной Азии, Бандаижима 5-1, р-н Чуо, Ниигата 950-0078, Япония

E-mail: shida.yoshisada.2@erina.or.jp

ORCID: 0000-0002-0433-015X

Кан Виктория Климентьевна

Ph.D (Economics)

доцент экономического факультета

Университет Тэйкё, Оцука 359, Хачиоджи, Токио 192-0395, Япония

E-mail: kan_vika@main.teikyo-u.ac.jp

ORCID: 0000-0002-5360-310X

Аннотация. В данной статье сделана попытка оценить эффективность ТОР, основываясь на финансово-хозяйственной деятельности предприятий. Результаты анализа микроданных показали, что количество резидентов особых зон Дальнего Востока России растёт, однако сильны различия в эффективности и потенциалах развития ТОР, и что данные различия обусловлены сильным влиянием не всегда «якорных», но доминирующих компаний. Результаты также выявили важную роль малых и средних предприятий (МСП), однако низкий удельный вес прибыльных МСП в общем числе резидентов говорит об отсутствии положительного влияния режима на предпринимательство. Поскольку уровень активности МСП также важен для устойчивого развития региональной экономики, рекомендуется улучшить институциональную среду ТОР, чтобы большее количество МСП смогли вести высокоприбыльную экономическую деятельность. Согласно результатам анализа, успешными могут быть и ТОР, функционирующие в рамках доминирующей промышленной структуры одной или нескольких крупных компаний, и ТОР со значительным присутствием сектора МСП, при этом наиболее высокоприбыльные ТОР имеют узкоотраслевую специализацию, в основе которой находятся добыча и обработка природных ресурсов. Выявленная значительная разница между крупными предприятиями и сектором МСП, а также низкая прибыльность последних ещё раз подтверждает, что успешное развитие ТОР возможно скорее путем объединения общих усилий и сти-

мулирования взаимодействия доминирующих компаний и «прочих» инвесторов, нежели путем привлечения разного рода новых резидентов и ожидания повышения эффективности ТОР в результате усиления конкуренции.

Ключевые слова: особые экономические зоны, территория опережающего развития, промышленный кластер, региональное развитие, Дальний Восток России

Благодарности. Статья является результатом гранта № (В)19KK0036 Японского общества содействия развитию науки.

Для цитирования: Сига Е., Кан В.К. Эффективность политики регионального развития на Дальнем Востоке России: финансовая оценка на базе микроданных резидентов ТОР // Пространственная экономика. 2021. Т. 17. № 1. С. 35–65. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2021.1.035-065>

How Effective Are Special Economic Zones in the Russian Far East: A Financial Assessment Using Firm-Level Data

Y. Shida, V.K. Kan

Yoshisada Shida

Ph.D (Economics)

Research Fellow, Research Division

Economic Research Institute for Northeast Asia (ERINA), 13th Floor, Bandaijima Building, Bandaijima 5-1, Chuo-ku, Niigata City 950-0078, Japan

E-mail: shida.yoshisada.2@erina.or.jp

ORCID: 0000-0002-0433-015X

Viktoriya Klimentevna Kan

Ph.D (Economics)

Associate Professor, Faculty of Economics

Teikyo University, Otsuka 359, Hachioji, Tokyo 192-0395, Japan

E-mail: kan_vika@main.teikyo-u.ac.jp

ORCID: 0000-0002-5360-310X

Abstract. With ‘Advanced Development Zones (TORs)’ formed in the Russian Far East in the mid-2010s, now it is a good time to overview the first five years of this policy development. Here, in contrast to the mostly qualitative prior studies, we assess the initial growth of the Far East TORs quantitatively. In order to achieve this, we set up a novel financial database which we use to trace the dynamics of zonal economic activities, compare their fiscal performances, and capture their structural differences. Our analysis, based on the database composing resident registers and financial accounting reports, reveals the following. First, a few TORs successfully attract new residents, leading to regional heterogeneity of the resident distribution and zone development dynamics. Second, there is one or a few companies in each TOR that dominate in the zone and determine total TOR revenue. Thus, their presences sway the TORs’ economic performance. Curiously, these ‘dominant’ firms do not necessarily act as ‘anchor residents’ originally supposed to initiate foundations of clusters in their industries. Third, small businesses, on the contrast,

show rather low profitability; however, there is variation among companies in different TORs. SMEs are hoped to play a key role in creating local labor market stability and adding to the regional economy what centralized big business cannot. In this regard, the TOR's institutional improvement is vital to ensure local SME profitability. Summing up, we bid to label TORs as having 'rich' or 'poor' development potential to attract and stimulate SME in the zones.

Keywords: Special Economic Zones, SEZs, Regional Development, Territory of Advanced Economic Development, Russian Far East

Acknowledgement. This article is the result of the grant No. (B)19KK0036 from the Japan Society for the Promotion of Science.

For citation: Shida Y., Kan V.K. How Effective Are Special Economic Zones in the Russian Far East: A Financial Assessment Using Firm-Level Data. *Prostranstvennaya Ekonomika = Spatial Economics*, 2021, vol. 17, no. 1, pp. 35–65. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2021.1.035-065> (In Russian)

1. ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ВНЕДРЕНИЯ ОСОБЫХ ЗОН В РОССИИ

Специальные экономические зоны получили широкое распространение в более чем 140 странах и 5000 мест по всему миру, и их число быстро увеличивается (World..., 2019). Этот экономический инструмент для привлечения инвестиций используют многие развивающиеся страны для решения проблемы отсутствия финансовых средств, доступа к передовым технологиям, содействия формированию промышленных кластеров и отраслевых агломераций, путем предоставления налоговых льгот и преимуществ, упрощения административных и институциональных барьеров, преференциального пользования землей и доступа к инфраструктуре (Special..., 2008; Baissac, 2011; Zeng, 2016).

Первые «свободные экономические зоны» (СЭЗ) в России внедрили в 1990-е гг. для интеграции в международное сообщество, приобретения и накопления управленческого опыта и знаний, стимулирования модернизации экономики (Заусаев и др., 2015; Kuznetsov, Kuznetsova, 2019; Жериборов, Князева, 2019; Galiullina, 2019; Sosnovskikh, 2019). В качестве точек роста СЭЗ должны были привлечь западные инвестиции и ускорить диффузию инноваций, однако большинство из них потерпело неудачу и стало анклавами – «черными дырами», поглощающими материальные, финансовые и трудовые ресурсы (Швецов, 2016; Леонов, 2017).

Причиной их провала стали нестабильность законодательства и нечеткое разделение полномочий между властями разных уровней, затрудняющие долгосрочное прогнозирование деятельности, что привело к погоне инвесторов за краткосрочной прибылью (Осипов, 2018). Нехватка финансовых

средств и конкуренция за бюджетное финансирование между регионами тоже вызывали беспокойство инвесторов по поводу устойчивости системы, что привело к негативным последствиям: сокращению финансовых поступлений в федеральный бюджет; разрастанию бюрократии, повсеместной коррупции и теневой экономики; уклонению от уплаты налогов и превращению зон во «внутренние офшоры» (Швецов, 2016; Жериборов, Князева, 2019; Kuznetsov, Kuznetsova, 2019).

Несмотря на эти неудачи, в целях решения проблем с диверсификацией промышленности в 2005 г. были вновь введены «особые экономические зоны» (ОЭЗ). Однако ОЭЗ также не показали желаемых результатов, и в 2016 г. 10 из 36 были закрыты, вследствие той же правовой и институциональной нестабильности, задержек в подводке инфраструктуры и вливании инвестиций, низкого уровня реализации финансовых планов, коррупции, связанной с масштабностью средств, задействованных в создании зон, и т. д. (Безпалов, Ломакина, 2015; Швецов, 2016; Коновалова, Савельева, 2018; Янков и др., 2016; Sosnovskikh, 2017; Попов, 2019).

Наряду с этим с 2011 г. внедрено еще 20 «зон территориального развития (ЗТР)», нацеленных на поддержку депрессивных регионов, но и это не увенчалось успехом. Критике подвергались такие показатели эффективности ОЭЗ, как количество компаний и малый процент действующих среди них, уровень занятости, частных инвестиций и налоговых поступлений, заключая, что вклад особых зон в развитие региона невелик либо вовсе отсутствует (Kuznetsov, Kuznetsova, 2019). Счетная палата РФ тоже раскритиковала то, что национальный бюджет тратится вопреки отсутствию экономического эффекта, а затраты на создание рабочих мест в ОЭЗ высоки (За 10 лет..., 2016; СП не увидела..., 2020).

Самые ранние особые зоны на Дальнем Востоке России – СЭЗ «Находка», «ЕВА» и «Сахалин» – повторили вышеупомянутый исторический ход и были отменены после кризиса 1998 г. (Леонов, 2017; Осипов, 2018). Однако в 1999 г. ОЭЗ была создана в г. Магадане (срок продлен с 2014 до 2025 г.), и еще три зоны – свободный порт «Советская Гавань», туристско-рекреационная ОЭЗ «Русский остров» и промышленно-производственная ОЭЗ во Владивостоке были созданы, но закрылись из-за отсутствия инвестиционных проектов. Также планировалось создание ЗТР в Амурской области и Камчатском крае, но реализовано не было.

Несмотря на повторяющиеся неудачи, в 2015 г. на Дальнем Востоке России (макрорегионе) внедрили новый режим – «Территория опережающего развития (ТОР)» и «Свободный порт Владивосток (СПВ)» вследствие политики поворота на восток и упора на развитие макрорегиона как ворот в Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР) (Минакир, 2014; Минакир, 2017;

Исаев, 2017; Леонов 2017). Режим ТОР распространился на моногорода и закрытые административно-территориальные образования (ЗАТО), а также внедрен в г. Мурманске с целью содействия освоению Арктики.

Насколько эффективен новый тип особой зоны как инструмент развития Дальнего Востока России? Будет ли он способствовать росту экономики макрорегиона или его развитие пойдет по историческому пути неудач? Оценка эффективности особых зон может быть преждевременной (Севастьянов и др., 2018; Стецюк, 2018; СП не увидела..., 2020). Тем не менее мы попытаемся дать предварительную оценку результатам начального этапа функционирования ТОР, так как важно постоянно контролировать политический процесс для внесения соответствующих корректировок (Zeng, 2016; Останин, 2016; Синенко, 2017; Кузнецов и др., 2019) и поскольку пилотный режим нового типа распространяется на другие территории (Sosnovskikh, 2019).

Большая часть научных работ на тему особых зон в России – это качественные исследования, посвященные институциональному анализу, и кейс-стади, уделяющие внимание либо некоторым ТОР, либо отдельным крупным проектам (Кузнецова, 2016; Матушевская, 2018). Это связано с недостатком данных и сложностью выбора контрольной группы для анализа прямого воздействия особых режимов на деятельность предприятий (Zeng, 2016), тем более в России, где сбор и доступность надежных данных затруднены (Kuznetsov, Kuznetsova, 2019; Sosnovskikh, 2019).

Данная статья является первой попыткой углубленного анализа функционирования ТОР на основе микроданных резидентов. Для анализа мы создали уникальную базу данных, содержащую два вида микроданных: данные реестра резидентов и данные финансовой отчетности компаний. Поскольку львиная доля федерального бюджета и усилий выделены на развитие ТОР, прояснение их текущего состояния и перспектив развития наиболее важно (Повышение..., 2016; О федеральном..., 2020).

2. ТЕКУЩЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ ТОР НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ

2.1. Институциональные особенности ТОР

В настоящее время в макрорегионе действуют 22 ТОР. После внедрения режима ТОР в 2015 г. они продолжают реорганизовываться и создаваться заново. Важной особенностью ТОР является то, что они нацелены на создание экспортно ориентированной производственной базы с возможностью нанимать квалифицированных иностранных рабочих без квот на распределение. Режим также отличается более удобными льготами и преференциями, сроком существования, минимальным размером капитальных вложений, согласованными видами деятельности и процедурой внедрения режима (Кашина,

2016; Ниязова, 2016; Леонов, 2017; Min, Kang, 2018; Исаев, 2018)¹. Статус резидента в ОЭЗ получают только вновь созданные предприятия, а резидентами ТОР могут стать и существующие предприятия (Gurkov et al., 2020). Более того, ТОР внедряется под конкретных крупных инвесторов, заранее заключающих договор о деятельности и аренде земельного участка, трудоустройстве, инвестициях и т. д. с федеральным органом. Напротив, ОЭЗ создаются вдали от городов, предоставляя инфраструктуру и льготы для инвестиций в стартующие с нуля новые проекты, и компания сама находит неосвоенный участок земли для размещения (Kuznetsov, Kuznetsova, 2019).

В основе ТОР заложен так называемый кластерный подход, при котором системообразующее «якорное» предприятие, определяющее ведущую специализацию ТОР, обрастает производственными цепочками, в которые встраиваются все другие резиденты, располагаясь в непосредственной близости от крупных производственных компаний (Козлов, Волынчук, 2016; Исаев, 2017; Turgel et al., 2019; Gurkov et al., 2020). Подобная территориальная специализация усиливает конкурентные преимущества всех участников производственного кластера. Поэтому при создании ТОР учитывается производственная структура территории, необходимая для успешной целевой деятельности «якорного» инвестора.

Однако результаты институционального анализа показывают, что ТОР не способствует стимулированию предпринимательства и созданию экспортно ориентированной промышленной базы с высокой добавленной стоимостью вследствие высоких транзакционных издержек, препятствующих входу МСП (Останин, 2016; Исаев, 2018; Минакир, Прокапало, 2018; Бакланов, 2019; Arai, 2019), а также случаев, когда резидентами зоны становятся уже существующие компании, меняющие лишь название фирмы и вступающие в недобросовестную конкуренцию с молодыми компаниями внутри ТОР и с существующими компаниями за ее пределами (Севастьянов и др., 2018). По оценкам экспертов, запрет на создание филиалов и представительств за пределами зоны не стимулирует экономическое сотрудничество или вторичное развитие резидентов (Швецов, 2016); сосуществование множества конкурирующих между собой инструментов региональной политики указывает на отсутствие инновационной деятельности и улучшения темпов роста в ТОР (Sosnovskikh, 2019); режим ТОР сравнивается (особенно в моногородах) с «городскими свободными зонами», где множество ориентированных на внутренний рынок компаний располагаются в депрессивных городах и

¹ Содержание льгот ТОР представлено на сайте Корпорации развития Дальнего Востока и Арктики (URL: <https://erdc.ru/>). По расчетам, льготные преференции ТОР позволяют снизить налоговые расходы более чем на 40% по сравнению с действующей системой налогообложения (Кашина, 2015).

сельской местности (Gurkov et al., 2020). В результате вместо достижения поставленных целей большинство инвестиционных проектов ТОР направлены на импортозамещение для местного дальневосточного рынка (Arai, 2019; Sosnovskikh, 2019).

2.2. Результаты функционирования ТОР

К середине 2020 г. количество резидентов ТОР составило 506 компаний, СПВ – 2079 компаний, всего 2585 компаний на Дальнем Востоке России¹. В количестве резидентов ежегодно наблюдаются сезонные колебания, с пиком числа, приходящимся на третий квартал. В 10 субъектах РФ, входящих в Дальневосточный федеральный округ, кроме Магаданской области, создано 20 ТОР (табл. 1, исключая «Селенгинск» и «Краснокаменск»), со средним количеством резидентов на ТОР 24,1 – то есть эффективность режима ТОР получается выше по сравнению с другими льготными режимами. Однако более 60% резидентов сосредоточены в ТОР «Камчатка» (21,3% от общего количества), «Надеждинская» (15,8%), «Чукотка» (10,7%) и «Хабаровск» (9,7%). Число резидентов здесь ежегодно увеличивается, показывая хорошие результаты. ТОР «Комсомольск», «Якутия», «Горный воздух» и «Большой Камень» – среднего размера, с более чем 20–30 резидентами, в основном вошедшими в ТОР до 2019 г.

Остальные ТОР – малые, с ограниченным притоком резидентов (20 и менее), приходящимся на ранний этап создания зоны («Нефтехимический», «Николаевск», «Амуро-Хинганская» и т. д.). Им не удастся привлечь компании на постоянной основе, поэтому они оцениваются как наименее успешные ТОР со слабым потенциалом развития. Однако и среди малых ТОР относительная эффективность весьма контрастна. Так, ТОР «Забайкалье» привлекла 14 компаний по добыче полезных ископаемых и драгоценных металлов, производству мяса, древесины и пеллет, строительного бетона и т. д., в то время как созданная в том же 2019 г. ТОР «Бурятия» насчитывает лишь 2 резидента.

Количество резидентов ТОР постоянно увеличивается. Однако к августу 2020 г. 56 компаний уже расторгли договоры аренды земельного участка и вышли из ТОР². Несмотря на то, что количество покидающих ТОР компаний в целом невелико (процент выхода компаний 11,1%, включая банкротство и приостановление деятельности) и привлечение новых компаний пока было успешным, такая положительная оценка относится лишь к некоторым

¹ Реестр резидентов территорий опережающего социально-экономического развития (ТОР) / Корпорация развития Дальнего Востока и Арктики. 2020. 4 августа. URL: <https://erdc.ru/upload/reestr-tor.pdf> (дата обращения: январь 2021).

² Из СПВ вышло 87 компаний (процент выхода компаний 4,2%).

ТОР. Очевидны большие различия как в самом количестве резидентов, так и в его динамике по регионам и ТОР, вызванные существенной разницей в потенциале их развития.

Таблица 1

Географическое распределение резидентов ТОР

Table 1

Geographical distribution of TOR residents

ТОР	Дата создания	2015	2016	2017	2018	2019	2020	Количество резидентов	
								всего	доля, %
<i>Приморский край</i>								125	24,7
Надеждинская	25.06.2015	5	12	20	13	20	10	80	15,8
Большой Камень	28.01.2016	–	6	7	7	3	1	24	4,7
Михайловский	21.08.2015	3	4	2	3	6	1	19	3,8
Нефтехимический	07.03.2017	–	–	1	–	1	–	2	0,4
<i>Камчатский край</i>								108	21,3
Камчатка	28.08.2015	1	18	18	42	23	6	108	21,3
<i>Хабаровский край</i>								89	17,6
Хабаровск	25.06.2015	5	12	9	9	12	2	49	9,7
Комсомольск	25.06.2015	4	2	14	8	3	2	33	6,5
Николаевск	19.04.2017	–	–	5	1	1	–	7	1,4
<i>ЧАО</i>								54	10,7
Чукотка	21.08.2015	–	12	12	15	12	3	54	10,7
<i>Республика Саха (Якутия)</i>								43	8,5
Якутия	21.08.2015	–	10	2	7	4	4	27	5,3
Южная Якутия	28.12.2016	–	–	6	6	4	–	16	3,2
<i>Сахалинская область</i>								38	7,5
Горный воздух	17.03.2016	–	3	5	12	5	1	26	5,1
Южная	17.03.2016	–	3	1	3	1	–	8	1,6
Курилы	23.08.2017	–	–	–	1	3	–	4	0,8
<i>Амурская область</i>								28	5,5
Приамурская	21.08.2015	2	2	–	3	3	–	10	2,0
Белогорск	21.08.2015	1	2	2	2	3	–	10	2,0
Свободный	03.06.2017	–	–	2	2	3	1	8	1,6
<i>Забайкальский край</i>								14	2,8
Забайкалье	31.07.2019	–	–	–	–	11	3	14	2,8
<i>ЕАО</i>								4	0,8
Амуро-Хинганская	27.08.2016	–	4	–	–	–	–	4	0,8
<i>Республика Бурятия</i>								2	0,4
Бурятия	14.06.2019	–	–	–	–	2	–	2	0,4
<i>Мурманская область</i>								1	0,2
Столица Арктики	12.05.2020	–	–	–	–	–	1	1	0,2
Всего		21	90	106	134	120	35	506	100,0

Источник: создано авторами на основе данных КРДВ (от 4 августа 2020 г.).

3. ФИНАНСОВАЯ ОЦЕНКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЕЗИДЕНТОВ ТОР

Рассмотрим ситуацию в финансово-хозяйственной деятельности резидентов, используя созданную базу данных на микроуровне фирм, основанную на реестре резидентов и бухгалтерской отчетности компаний¹. При создании базы мы не ограничили сбор данных периодом пребывания предприятия в ТОР, то есть данные содержат информацию резидентов до их входа в ТОР и после выхода из нее. В случае перерегистрации резидента как новой компании с другим индивидуальным налоговым номером (ИНН) при входе в ТОР – ее данные с разными ИНН объединены². Так как с момента создания ТОР прошло всего 5 лет, период анализа короток (табл. 2), и немало компаний все еще находятся на стадии планирования или строительства (в их финансовом отчете указаны одни нули). По состоянию на 2019 г. лишь 25,9% резидентов ТОР являлись действующими (Корпорация..., 2020).

Из 506 резидентов ТОР, включая тех, кто уже покинул ТОР, по 442 компаниям (87,4% от общего количества) имеются финансовые данные за период 2011–2019 гг. За 2019 г. у 85,4% компаний были отчеты, а в 69 случаях не было. Среди последних – 19 индивидуальных предпринимателей (ИП) и 22 закрывшихся, или компаний в процессе ликвидации. Без их учета за 2019 г. данные собраны по 93,5% резидентам ТОР³.

Таблица 2

Обзор базы данных по финансовой отчетности резидентов ТОР

Table 2

Overview of the database on financial statements of TOR residents

Показатель		2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	Всего
1	Количество резидентов ТОР	–	–	–	–	21	111	217	351	471	506
2	Количество финансовых отчетов	66	88	109	133	170	214	283	380	402	442
3	Соотношение 2/1, %	–	–	–	–	809,5	192,8	130,4	108,3	85,4	87,4

Примечания. Данные на 4 августа 2020 г. «Всего» в ряду 2 – количество компаний, по которым данные были получены хотя бы за один год в период с 2011 по 2019 г.

Источник: создано авторами.

¹ Бухгалтерская отчетность (2011–2019 гг.) доступна на сайте Росстата.

² В договорах между резидентами и Корпорацией развития Дальнего Востока указан план инвестиций и трудоустройства в ТОР. Необходимо отделять существующий бизнес от нового при его регистрации в ТОР, так как льготы предоставляются только последнему (Gurkov et al., 2020).

³ Соотношение финансовых отчетов к количеству резидентов ТОР до 2018 г. превышает 100% вследствие учета компаний, осуществлявших деятельность до регистрации в ТОР.

3.1. Динамика роста, распределение объемов выручки и внутренняя структура ТОР

Рассмотрим динамику роста и региональное распределение объемов выручки резидентов, а также внутреннюю структуру ТОР на основе финансовых данных, включающих описание полной хозяйственной деятельности компаний (не только в рамках ТОР).

Совокупный объем выручки резидентов ТОР в 2019 г. составил 235,28 млрд руб., что в 3,2 раза больше объема 2015 г. (73,22 млрд руб.), когда был запущен режим особых зон (рис. 2). С 2011 г. этот показатель увеличился в 15,1 раза, вследствие увеличения количества резидентов. По прошествии времени после их размещения в ТОР увеличилось и общее количество фактически работающих компаний.

Рис. 1. Динамика совокупной выручки резидентов ТОР, млрд руб.

Fig. 1. Dynamics of total revenue of TOR residents, billion rub.

Источник: составлено авторами.

На рисунке 1 также показана динамика роста объема выручки отдельно по году размещения компаний в ТОР с целью сравнения «молодых» и «старых» резидентов. Так, в 2019 г. доля «старейших» компаний (резиденты с 2015 г.) в общем объеме выручки составила 6,8% (при их доле в общем количестве компаний в 4,2%, см. табл. 1). А доля ставших резидентами с 2017 г. – наибольшая (44,7%) и в два раза превышает их долю в общем количестве резидентов (20,9%). Доля зарегистрированных в 2016 г. – 13,7% (17,8%), в 2018 г. – 25% (26,5%), в 2019 г. – 7,5% (23,5%), а в 2020 г. – 2,3% (6,7%).

Падение выручки за 2019 г. резидентов, зарегистрированных в 2015 г., вызвано отсутствием данных ООО «Торэкс», так как 22 ноября 2018 г. компания договорилась с Корпорацией развития Дальнего Востока о выходе из

ТОР. Ее выручка за 2018 г. составила почти половину от общего объема выручки резидентов 2015 г. В случае резидентов, зарегистрированных в 2016 г., падение выручки объясняется отсутствием данных АО «Дальневосточный завод «Звезда», выручка которого составила 40% от общего объема выручки резидентов-сверстников за 2018 г. Кроме того, доля резидентов с 2019 г. в общем объеме выручки сократилась за счет молодых компаний в созданных в том же 2019 г. – ТОР «Забайкалье» и «Бурятия». Напротив, за счет ООО «Новатэк-Мурманск» в 2020 г. значительно увеличился общий объем выручки компаний-сверстников в ТОР Мурманской области. Большинство компаний развернули свою деятельность спустя несколько лет после входа в ТОР, когда уже были созданы условия для деятельности и необходимая инфраструктура, поэтому всплеск активности пришелся на 2017 г. Это объясняет то, что слишком промедлившие или поспешившие зарегистрироваться в ТОР резиденты отстают по показателю величины выручки¹. Среди зарегистрированных до 2019 г. резидентов 41,5% пока имеют нулевую выручку. По прошествии времени после размещения снижается доля компаний с нулевым объемом выручки (среди резидентов с 2015 г. – 23,5%, с 2016 г. – 32,9%, с 2017 г. – 33,7%, с 2018 г. – 39%, с 2019 г. – 59,4% и с 2020 г. – 47,6%).

Пространственное распределение резидентов по объемам выручки показано в таблице 3. Более 60% выручки приходится на три региона – Приморский (25,6%), Камчатский (22%) и Хабаровский края (19,1%). В Республике Саха (Якутия) доля выручки (20,6%) превышает долю числа компаний (8,5%) (см. табл. 1). А в ЧАО доля выручки ниже (5,3% и 10,7%) вследствие недоступности данных по 30 резидентам. В разрезе по ТОР лидируют ТОР «Камчатка» (22%), «Надеждинская» (20,8%), «Южная Якутия» (20,3%) и «Комсомольск» (15,6%) – 78,6% от общего объема выручки и 46,8% от общего числа резидентов всех ТОР. В разрезе же по резидентам самая высокая выручка у «Южной Якутии» и «Комсомольска» – в 5,4 и 2,2 раза больше среднего значения для ТОР. За ними следуют ТОР «Надеждинская» и «Камчатка». Средняя выручка в крупнейшей в Хабаровском крае ТОР «Хабаровск» – всего около 20% от среднего для ТОР. А ТОР «Михайловский», «Якутия», «Горный воздух», «Приамурская» и «Свободный»² значительно отстают от средних для макрорегиона показателей.

¹ Согласно мировому опыту, льготы стимулируют получение более краткосрочной прибыли, не оказывая влияния на долгосрочное развитие особых зон (Sosnovskikh, 2019). Для максимизации пользы в ТОР резидентам выгоднее развернуть деятельность в кратчайшие сроки, однако переход на стадию эксплуатации мощностей возможен лишь по мере готовности зоны.

² Совокупные активы ООО «Газпром переработка Благовещенск» являются крупнейшими среди ТОР, составляя 41% от совокупных активов всех компаний. Пока у него «нулевая» выручка, но с его вводом в действие показатели в ТОР «Свободный» значительно возрастут.

Таблица 3

Распределение выручки по TOP за 2019 г.

Table 3

Distribution of revenue among TOPs in 2019

ТОР	Количество резидентов	Количество данных	Совокупная выручка, тыс. руб.	Доля, %	Выручка на одного резидента, тыс. руб.
<i>Приморский край</i>	125	100	60 129 017	25,6	607 364
Надеждинская	80	62	48 855 288	20,8	787 989
Большой Камень	24	19	10 232 905	4,3	538 574
Михайловский	19	17	1 040 824	0,4	61 225
Нефтехимический	2	2	—	—	—
<i>Камчатский край</i>	108	84	51 655 434	22,0	614 946
Камчатка	108	84	51 655 434	22,0	614 946
<i>Хабаровский край</i>	89	75	44 954 953	19,1	599 399
Хабаровск	49	40	4 806 951	2,0	120 174
Комсомольск	33	28	36 674 193	15,6	1 309 793
Николаевск	7	7	3 473 809	1,5	496 258
<i>ЧАО</i>	54	30	12 530 012	5,3	417 667
Чукотка	54	30	12 530 012	5,3	417 667
<i>Республика Саха (Якутия)</i>	43	38	48 571 171	20,6	1 278 189
Якутия	27	23	924 655	0,4	40 202
Южная Якутия	16	15	47 646 516	20,3	3 176 434
<i>Сахалинская область</i>	38	33	8 370 060	3,6	253 638
Горный воздух	26	21	1 590 645	0,7	75 745
Южная	8	8	2 940 939	1,2	367 617
Курилы	4	4	3 838 476	1,6	959 619
<i>Амурская область</i>	28	24	8 577 794	3,6	357 408
Приамурская	10	7	43 068	0,0	6153
Белогорск	10	9	7 141 667	3,0	793 519
Свободный	8	8	1 393 059	0,6	174 132
<i>Забайкальский край</i>	14	12	135 638	0,1	11 303
Забайкалье	14	12	135 638	0,1	11 303
<i>ЕАО</i>	4	4	82 250	0,0	20 563
Амуро-Хинганская	4	4	82 250	0,0	20 563
<i>Республика Бурятия</i>	2	1	—	—	—
Бурятия	2	1	—	—	—
<i>Мурманская область</i>	1	1	274 973	0,1	274 973
Столица Арктики	1	1	274 973	0,1	274 973
Всего	506	402	235 281 302	100,0	586 736

Источник: составлено авторами.

Вследствие статистически малого числа компаний очевидна значительная разница в величине выручки на одну компанию и в географической концентрации экономической деятельности¹. Наличие одной крупной компании, такой как ООО «Торэкс» или АО «Дальневосточный завод «Звезда», оказывает значительное влияние на показатели финансово-хозяйственной деятельности всей ТОР. Еще один пример – «Эпсилон 2», первый резидент ТОР на Дальнем Востоке, планировавший производить детали для авиационных заводов в ТОР «Комсомольск» и стать ядром формирования кластеров для основной отрасли Комсомольска-на-Амуре, но вышедший из ТОР из-за отсутствия развития бизнеса.

Ожидалось, что «якорные» компании будут играть роль «ядер», или так называемых «якорных» инвесторов – первых резидентов каждой ТОР, закладывающих базу для производственной кооперации (Sosnovskikh, 2017). По оценкам (Кашина, 2016; Козлов, Волынчук, 2016), «якорными» инвесторами являются: в ТОР «Надеждинская» – ООО «Инком ДВ Лоджистик», АО «Производственно-логистический комплекс «Приморский кондитер», ООО «Приморский завод «Европласт»; в ТОР «Хабаровск» – девять «якорных» резидентов, включая ООО «Торэкс»; в ТОР «Комсомольск» – ООО «Инструментальный механический завод», ООО «Амурская лесопромышленная компания», ООО «Карбон», АО «Амурский промышленный центр» и т. д.

Однако результаты нашего исследования показали, что влиятельные компании не всегда являются «якорными». Не все «якорные» резиденты смогли реализовать намеченные планы и были вынуждены покинуть ТОР, уступая ведущую роль другим «неякорным» компаниям. Учитывая данный факт, для выявления структурных особенностей каждой ТОР в разрезе концентрации хозяйственной деятельности, мы провели выборку доминирующих компаний, на долю которых приходится более половины выручки ТОР (табл. 4). В 11 ТОР присутствует одна доминирующая компания, в 8 ТОР – две и в 3 ТОР – три. В 2019 г. 72% от общего объема выручки ТОР было произведено 29 компаниями, а более половины – лишь шестью ведущими компаниями: ООО «МАЗДА СОЛЛЕРС Мануфэкчуринг Рус»; ООО «Амурский гидрометаллургический комбинат»; АО «ГОК «Денисовский» и АО «ГОК «Инаглинский»; АО «Аметистовое» и «Рыболовецкий колхоз им. В.И. Ленина». Средний объем выручки этих 29 компаний в 2019 г. составил 5,13 млрд руб. – в 8,7 раза больше среднего значения для всех резидентов. Средняя выручка без учета 29 компаний составила 177 млн руб. – 30% от среднего значения для ТОР. То есть средний объем выручки доминирующих в 29 раз превышает среднее значение всех остальных.

¹ От общего объема инвестиций 58,1% генерируется четырьмя компаниями в газохимическом секторе и двумя компаниями в нефтехимическом секторе (Корпорация..., 2020).

Таблица 4

Table 4

Доминирующие резиденты TOP и их доля в общем объеме выручки за 2019 г.

Dominant TOR residents and their share in total revenue in 2019

ТОР	количество компаний	доля в выручке, %	Доминирующие резиденты TOP			Средняя выручка других компаний (В), тыс. руб.	Соотношение (А / В)
			название (доля в общем объеме выручки и основной вид деятельности)	средняя выручка (А), тыс. руб.	5		
1	2	3	4	5	6	7	
Надеждинская	1	96,4	ООО «МАЗДА СОЛЛЕРС Мануфэкчуриг Рус» (производство двигателей)	47 114 099	28 544	1650,6	
Большой Камень	2	78,6	ССК «Звезда» (судостроение, 48,8%), ООО «Звезда Морские Технологии» (судостроение, 29,8%)* 2018 г., ОАО «ДВЗ Звезда» (судоремонт, 80%)	4 020 701	128 912	31,2	
Михайловский	1	54,9	ООО «Мерси трейд» (сельское хозяйство)	571 303	29 345	19,5	
Нефтехимический	2	—	ВНХК (производство органических химикатов), НЗМУ (производство удобрений и азотных соединений)	—	—	—	
Камчатка	3	50,7	«РК им. В.И. Ленина» (рыболовство, 18,9%), АО «Аметистовое» (добыча драгоценных металлов и руд, 16,5%), ООО «Тымлатский рыбокомбинат» (рыболовство, 15,3%)	8 732 877	314 282	27,8	
Хабаровск	3	61,6	ООО «ТехноНИКОЛЬ Дальний Восток» (производство тепло- и звукоизоляционных материалов, 28,7%), Хабаровский трубный завод (производство полиэтиленовых труб для водопроводных и канализационных / газовых сетей, 20%), ООО «Энерго-Импульс+» (производство полимерных изоляторов, 12,8%)* 2018 г., ООО «Торэкс» (металлургия, 82,2%)	987 027	49 888	19,8	
Комсомольск	1	62,6	Амурский ГМК (производство драгоценных металлов)	22 945 775	508 460	45,1	
Николаевск	1	72,6	ООО «НГК Ресурс» (добыча золота)* 2018 г., ООО «ВРК» (рыбная промышленность, 27,6%), ООО РПК «Восточное» (рыбная промышленность, 24,1%)	2 521 586	158 704	15,9	

1	2	3	4	5	6	7
Чукотка	2	60,3	АО «Рудник Каральвеем» (добыча драгоценных металлов, руд и песка, 39%), ООО «Рудник Валунистый» (добыча драгоценных металлов, руд и песка, 21,3%)	3 776 276	177 766	21,2
Якутия	2	51,4	ООО «Монтажсервис» (производство строительного бетона, 38,1%), ООО «Теплый Край» (производство стеклопакетов, 13,3%)	237 723	21 391	11,1
Южная Якутия	2	76,5	АО «ГОК «Денисовский» (добыча и переработка угля, 49,5%), АО «ГОК «Инаглинский» (добыча и переработка угля, 27%)	18 220 934	861 896	21,1
Горный воздух	1	62,8	ООО «Бриллиант» (сеть отелей)	998 392	29 613	33,7
Южная	2	74,6	АО «Совхоз «Тепличный» (выращивание овощей, 49,9%), АО «Мерси Агро Сахалин» (производство свинины, 24,6%)	1 096 275	124 732	8,8
Курилы	1	91,1	ООО Рыбокомбинат «Островной» (рыболовная индустрия)	3 498 657	113 273	30,9
Приамурская	1	55,1	ООО «ВКМ Бурея» (ремонт транспортных средств) * 2018 г., ООО «Агрохим ДВ» (хранение и распространение пестицидов, 57,5%)	23 719	3225	7,4
Белогорск	1	92,0	ООО «МЭЗ Амурский» (переработка масла)	6 569 530	71 517	91,9
Свободный	2	64,4	ООО «ПТК «Пчелы-Свободный» (производство ЖБИ, 37,4%), ООО «Индустрия» (производство ЖБИ, 27%)	448 636	82 631	5,4
Забайкалье	1	55,8	ООО «Восток-Агро» (грузовые перевозки, 55,8%)	75 626	5456	13,9
Амуро-Хинганская	1	79,6	ООО «БирЗМ» (производство металлоконструкций и сэндвич-панелей)	65 487	5588	11,7
Бурятия	2	–	ООО «ТЛТ НАУШКИ» (железнодорожный транспорт), ООО «НПС» (выращивание цыплят)	–	–	–
Столица Арктики	1	100,0	ООО «Новатэк Мурманск» (проект Арктик СПГ 2, 100%)	274 973	–	–
Всего	33	72,0		5 133 938	176 572	29,1

Примечание: * – данные 2018 г.
Источник: составлено авторами.

Более того, 96,4% выручки ТОР «Надеждинская» приходится на ООО «МАЗДА СОЛЛЕРС Мануфэкчуринг Рус»¹, чье отсутствие свело бы на нет значение ТОР. Уровень выручки других компаний здесь ниже среднего, а разрыв не имеет себе равных среди ТОР (1623 раза). Рыбокомбинат «Островной» (91,1% выручки) – один из крупнейших на Сахалине и входит в группу компаний АО УК «Дальневосточный рыбак». Маслоэкстракционный завод «Амурский» (92%) и ООО «Биробиджанский завод металлоконструкций» (79,6%) – тоже крупные доминирующие компании. По АО «Восточная нефтехимическая компания» и АО «Находкинский завод минеральных удобрений» нет данных, но они являются лидерами ТОР «Нефтехимический» в химической отрасли. В отличие от многих ТОР с одной доминирующей компанией, ТОР «Хабаровск» – совокупность нескольких производственных отраслей (доля выручки трех доминирующих компаний составляет 61,6%).

Результаты анализа также выявили важную роль МСП, которую может играть этот сектор в активизации предпринимательства и развитии региональной экономики за счет использования режима ТОР. Согласно нашим расчетам (429 компаний), медианное количество сотрудников составляет 3 чел. (в среднем 52,2 чел.)². 64,5% от вновь созданных рабочих мест (22 403) приходится на МСП. Такой результат подчеркивает важную роль МСП, но решающим фактором при этом является существование экономической основы, позволяющей резидентам ТОР получать более высокую прибыль.

3.2. Прибыль и рентабельность резидентов ТОР

Каково влияние режима ТОР на деятельность резидентов, особенно в случае МСП? Важно прояснить этот аспект, так как внедрение режима ТОР нацелено также на стимулирование развития предпринимательства. В таблице 5 показаны расчеты по удельному весу прибыльных предприятий в общем числе предприятий (а) за каждый год и (б) по годам размещения в ТОР. Резиденты разделены на: 1) действующие и 2) те, что вышли или находятся в процессе выхода из ТОР. Первые также поделены на доминирующих и прочих резидентов.

¹ Выручка «МАЗДА СОЛЛЕРС Мануфэкчуринг Рус» в 2019 г. составила 47,11 млрд руб. – самый крупный показатель среди ТОР, в два раза превышающий АО «ГОК «Денисовский» (второй по величине). В ТОР «Надеждинская» на втором месте ООО «Приморский завод «Европласт» – 70,6% от выручки без учета ООО «МАЗДА СОЛЛЕРС Мануфэкчуринг Рус».

² Для 28 доминирующих компаний – 104,5 чел. (284,4 чел.), а для оставшихся 401 малых или микропредприятий – 3 чел. (36,0 чел.).

Таблица 5

**Удельный вес прибыльных предприятий
в общем числе резидентов TOP**

Table 5

Share of profitable enterprises in the total number of residents of TOPs

а) Удельный вес прибыльных предприятий по типу компании, %

Год	TOP				Для сравнения: в целом по России		
	всего	домини- рующие компании	прочие компании	вы- шедшие компании	средние предпри- ятия	малые предпри- ятия	микро- предпри- ятия
2011	63,6	66,7	63,0	60,0	79,5	81,3	81,5
2012	51,1	47,4	53,2	42,9	82,3	82,3	82,4
2013	52,3	57,1	52,6	40,0	81,1	80,5	80,6
2014	52,6	56,0	51,6	53,8	79,7	79,7	79,9
2015	49,1	53,6	50,0	36,8	81,3	79,8	79,8
2016	45,5	64,3	44,3	33,3	80,5	80,0	80,1
2017	36,2	63,3	34,9	21,6	79,2	79,9	80,0
2018	34,4	66,7	31,8	24,3	77,7	79,7	79,9
2019	38,9	74,3	36,7	21,4	—	—	—
Количество резидентов	506	37	416	53	—	—	—

б) Удельный вес прибыльных предприятий по годам размещения в TOP, %

Год	Год размещения в TOP					
	2015	2016	2017	2018	2019	2020
2015	25,0	56,3	56,5	62,1	33,3	40,0
2016	28,6	52,1	38,7	52,6	28,6	50,0
2017	35,7	40,8	28,3	40,0	20,8	50,0
2018	14,3	37,0	43,3	29,1	21,4	36,4
2019	28,6	40,7	43,8	36,7	30,0	38,9
Количество резидентов	14	58	75	124	113	32

Примечание: без учета вышедших и доминирующих резидентов TOP.

Источник: создано авторами на основе финансовых данных резидентов TOP и МСП (2015; 2017; 2019).

Таблица 5 показывает, что удельный вес прибыльных предприятий в общем числе всех резидентов TOP – низкий (менее 60%) и имеет тенденцию к снижению, возможно, в связи с возрастающим год от года количеством новых резидентов, в то время как показатель для МСП по России выше (80%) и практически не меняется из года в год. К тому же этот показатель варьируется в зависимости от типа резидента: среди доминирующих компаний на уровне 70%, приближаясь к среднему показателю по России, прочих –

30% и уходящих – 20%, влияя на решение компании остаться или выйти из особой зоны. Возможно, на МСП, являющиеся наиболее уязвимым слоем предприятий, и, в отличие от крупных компаний, ориентированные на внутренний рынок, негативно повлияла макроэкономическая ситуация в стране, в особенности продолжительное снижение покупательского спроса населения.

В разрезе по году размещения в ТОР заметны высокий удельный вес прибыльных среди компаний, ставших резидентами с 2017 г. (табл. 5б), и увеличение количества прибыльных со следующего года после их размещения в ТОР. Так, из 20 ТОР 14 были созданы до 2016 г. и 4 – в 2017 г. Из 106 компаний, ставших резидентами с 2017 г., 98 резидентов (92,5%) находятся в ТОР, созданных до 2016 г., то есть они вошли спустя некоторое время после создания ТОР. С 2018 по 2019 г. увеличился удельный вес прибыльных среди резидентов с 2018 г. Из 120 резидентов 2018 г. – 99 (82,5%) находятся в ТОР, созданных до 2016 г., а 8 компаний (6,7%) – в ТОР, созданных в 2018 г. Таким образом, улучшение финансового положения можно объяснить тем, что после размещения в ТОР они не сразу начинают деятельность, и это связано с периодом подготовки к производству или задержкой в подводке инфраструктуры и т. д., или же со входом компаний в ТОР спустя определенный период времени после ее создания, когда она уже относительно готова, и им проще генерировать прибыль.

Касательно доминирующих резидентов – ситуация не лучше, чем в целом по России. Поэтому сложно определить, предоставляет ли режим ТОР достаточные преимущества для привлечения новых крупных компаний и долгосрочных инвестиций. Касательно же МСП можно сказать, что режим особых зон пока не дает достаточных преимуществ для стабилизации их финансово-хозяйственного положения.

Далее мы рассмотрим показатель рентабельности активов (ROA) резидентов ТОР для оценки эффективности бизнеса¹. На диаграмме размаха (рис. 2) показаны максимальная и минимальная величина, первый и третий квартили, а также медианная величина ROA (без учета выбросов, доминирующих и покинувших ТОР резидентов). График построен на данных 18 ТОР, исключая «Нефтехимический», «Бурятию» (нет данных) и «Столицу Арктики» (1 резидент). В базе данных за 2019 г. у 87 из 401 компании (21,7%) обычная прибыль превышает операционный доход, у 49 компаний (12,2%) – валовую прибыль. То есть большинство резидентов опираются на доходы, полученные от производства и продажи товаров и услуг, производимых в рамках ТОР.

¹ ROA рассчитывается как отношение обычной прибыли к общей сумме активов.

Рис. 2. ROA резидентов в разрезе TOP (год создания TOP, количество финансовых данных)

Fig. 2. ROA of residents by TOR (year of creation of the TOR, amount of financial data)

Источник: создано авторами.

Результаты анализа выявили большую разницу среди ТОР в финансовом положении резидентов. У ТОР «Южная Якутия» самая высокая валовая прибыль среди ТОР, а ее ROA в среднем 22% (медианное значение – 8,9%, в третьем квартиле – 40,7%), что делает ее самой рентабельной ТОР в макрорегионе. Ее резиденты в основном занимаются добычей и обработкой полезных ископаемых. ТОР «Комсомольск», «Камчатка» и «Чукотка» также фиксируют положительную ROA для большинства резидентов. Для этих трех ТОР медианное значение ROA равно нулю, а ROA третьего квартиля составляет 3,8, 5,7 и 14,9% соответственно. Средняя ROA МСП за 2018 г. в целом по России составила 6,1% для средних, 6,8% для малых и 7,1% для микропредприятий (МСП, 2019). Таким образом, даже у резидентов сравнительно прибыльных ТОР ROA не превышает средний показатель по России. ТОР «Забайкалье», «Амуро-Хинганская», «Горный воздух», «Приамурская» и «Николаевск» характеризуются низкой ROA. Сумевшие привлечь наибольшее число компаний и находящиеся в экономическом центре макрорегиона ТОР «Надеждинская» и «Хабаровск» также имеют низкую ROA. А у ТОР «Большой Камень», несмотря на высокие уровни валовой прибыли, значения ROA упали до отрицательного или близкого к нулю. Таким образом, существуют ТОР с большим объемом выручки и большим количеством резидентов, но с низкой рентабельностью и небольшим количеством действующих предприятий («Надеждинская») и малые ТОР со сравнительно высокой рентабельностью («Южная Якутия»). То есть, рентабельность в ТОР не всегда прямо пропорциональна количеству резидентов, а ТОР с высокой ожидаемой прибылью не всегда привлекают большое количество компаний.

4. РАЗЛИЧИЯ В ПОТЕНЦИАЛАХ РАЗВИТИЯ ТОР

Согласно результатам раздела 3, «якорные» предприятия не всегда оправдывают надежды органов власти – размещение миллиардных проектов и создание промышленной базы с высокой добавленной стоимостью. При этом велика вероятность того, что большая часть прибыли крупных компаний не всегда остается в региональном бюджете, а часто направляется в центр. С другой стороны, стало очевидным, что активная деятельность МСП в ТОР приводит к постоянному созданию рабочих мест и способствует региональному развитию. ТОР, активизирующие МСП местного уровня, привлекают новых резидентов и вносят стабильный вклад в развитие местной экономики. Такие ТОР, возможно, имеют высокий потенциал развития. Ниже мы систематизируем типы и выявим потенциал развития каждой ТОР, учитывая важную роль МСП, применив два следующих показателя.

Рассмотрим: 1) показатель деятельности МСП – значимость присутствия в ТОР (доля МСП в общем объеме выручки резидентов за 2019 г.), для выявления ТОР, функционирующих в рамках доминирующей промышленной структуры одной или нескольких крупных компаний, и ТОР со значительным присутствием сектора МСП; и 2) уровень рентабельности резидентов (исключая доминирующих и вышедших), то есть среднегодовое значение медианного ROA с 2017 по 2019 г.¹ Структурные особенности ТОР по значениям этих двух показателей – способность привлекать МСП и приносить прибыль – отображены на рисунке 4.

Рис. 4. Привлекательность ТОР для сектора МСП

Fig. 3. Attractiveness of TORs for the SME sector

Примечание: использованы стандартизованные значения переменных.

Источник: создано авторами.

Хороших показателей достигла ТОР «Чукотка». Помимо доминирующих компаний, задействованных в добыче драгоценных металлов, здесь также присутствуют компании энергетического, угольного, рыбного, производственного и сельскохозяйственного секторов. С 2016 г. она ежегодно привлекает более 10 новых резидентов, то есть является «ТОР с высоким потенциалом развития». Недалеко от нее находятся менее прибыльные «Камчатка» и «Якутия», но с более активным сектором МСП. Активность и рентабельность МСП в ТОР «Свободный» и «Комсомольск» отстают по

¹ Исследование основано на информации за последние три года, когда компании уже вошли или начали входить в стадию эксплуатации.

обоим показателям, но сохраняют относительно хороший уровень для Дальнего Востока России. ТОР «Южная Якутия» лидирует по ROA, но имеет преобладающую отраслевую структуру доминирующих резидентов. Эта тенденция сильна и в ТОР «Южная».

Высокоприбыльные компании сконцентрированы в средних ТОР с более чем 20–30 резидентами. Если эти ТОР смогут привлечь новые компании, возможно, они будут развиваться по той же схеме, что и ТОР «Чукотка». Хотя ТОР «Забайкалье», «Хабаровск» и «Горный воздух» занимают близкие позиции, они отличаются от вышеупомянутых развивающихся ТОР отрицательной рентабельностью многих резидентов. Рентабельность ТОР «Михайловский» и того ниже.

На противоположных позициях находятся ТОР «Курилы», «Амуро-Хинганская», «Большой Камень» и «Николаевск» – это ТОР с сильно выраженной структурой доминирующих компаний и низкой прибыльностью для всех остальных. Город Большой Камень до 2015 г. был ЗАТО с доминирующей судостроительной отраслью. Несмотря на то, что обе находятся в Хабаровском крае, между ТОР «Комсомольск» и «Николаевск» существует большая разница в перспективах развития, так же как и между ТОР «Южная» и «Курилы», расположенных на Сахалине. Таким образом, ТОР, в которых доминируют крупные компании, а остальные имеют низкую рентабельность, обладают «меньшим потенциалом» для развития МСП. Сложно ожидать их большого вклада в развитие местной экономики за счет активизации сектора МСП, сюда же можно отнести ТОР «Белогорск» (одна доминирующая компания, отрицательная рентабельность МСП). Пока преждевременно давать оценку ТОР с небольшим количеством резидентов, и ТОР «Приамурская», и «Забайкалье», так как период полученных данных невелик.

ТОР «Надеждинская» отличается большим количеством резидентов и объемом выручки – с этой точки зрения она перспективна. Однако присутствие здесь ООО «МАЗДА СОЛЛЕРС Мануфэкчуринг Рус» чрезмерно велико, поэтому и статус ТОР тоже переоценен – многие ее резиденты еще находятся на стадии с нулевым объемом выручки и с низкой или вовсе отрицательной рентабельностью. К тому же 13 компаний уже вышли из этой ТОР (всего по макрорегиону – 56). Из ТОР «Камчатка», в которой количество резидентов больше, вышли только 6. Поэтому ТОР «Надеждинская» можно охарактеризовать как «ТОР в состоянии спада».

Экспортный потенциал наблюдается лишь у нескольких промышленных ТОР, большинство же имеют локальный характер (Кашина, 2016), рассчитанный на импортозамещение вследствие географических особенностей и небольшой численности населения макрорегиона (Леонов, 2017). Ситуация осложняется наличием таких фундаментальных проблем Дальнего Востока

России, как малый размер рынка и неравномерное распределение населения, ограничивающих эффект промышленной агломерации (Минакир, Прокапало, 2017; Makarov, 2018). Отсутствие долгосрочных иностранных инвестиций объясняется высокими экономическими рисками, а присутствие отечественных компаний в специальных зонах – отсутствием для них лучших альтернатив повышения прибыли на рынке Дальнего Востока России (Изотов, 2018). Смогут ли ТОР привлекать компании в макрорегион с географически рассеянным и постоянно уменьшающимся населением? Открытыми остаются многие вопросы, связанные с трудностями развития самого Дальневосточного макрорегиона.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сегодня ТОР и СПВ насчитывают более 2500 компаний, что превосходит по количеству резидентов другие особые зоны. Однако данный показатель не всегда отражает реальную эффективность особых режимов на Дальнем Востоке России. При детальном анализе функционирования ТОР были выявлены следующие проблемы.

Количество резидентов растет, при этом неравномерность их географического распределения тоже увеличивается. Уровень влияния одной или нескольких крупных доминирующих компаний на финансовые показатели каждой ТОР чрезвычайно велик. В то же время результаты деятельности прочих резидентов из сектора МСП оставляют желать лучшего, и доля компаний с нулевым объемом выручки среди них тоже велика, что ставит под вопрос наличие в ТОР условий для активной деятельности МСП. В совокупности все эти факторы приводят к усилению дифференциации в уровне эффективности и потенциале развития ТОР.

Более того, основываясь на количестве и темпах роста резидентов, структуре объемов выручки, влиянии доминирующих компаний и прибыльности МСП, мы выделили: а) ТОР «с высоким потенциалом развития», где не только доминирующие резиденты, но и МСП с высокой прибыльностью приносят значительный вклад в экономику региона, и б) ТОР «с меньшим потенциалом развития» вследствие низкой рентабельности большинства резидентов, а также их расположения в отдаленных районах макрорегиона.

Важно то, что расположение ТОР в одном и том же регионе не всегда ведет к одинаковым перспективам развития, так же как и расположение в экономическом центре региона не всегда гарантирует успешность ТОР на микроуровне. Таким образом, следует быть осторожными при выборе критерия оценки эффективности ТОР, так как макропоказатели ТОР не всегда отражают реальное положение большинства резидентов.

Согласно результатам анализа, успешными могут быть и ТОР, функционирующие в рамках доминирующей промышленной структуры одной или нескольких крупных компаний, и ТОР со значительным присутствием сектора МСП. Однако нужно отметить, что эти наиболее высокоприбыльные ТОР имеют узкоотраслевую специализацию, в основе которой находятся добыча и обработка природных ресурсов. Это еще раз подчеркивает важность сохранения и усиления кластерного подхода в создании ТОР, концентрируя усилия и ресурсы на приоритетных отраслях экономики макрорегиона.

Таким образом, важно не только стимулировать вход новых резидентов в ТОР, но и стимулировать их производственную кооперацию с крупными предприятиями внутри ТОР с целью создания экспортно ориентированной промышленной базы и встраивания сектора МСП в производственные цепочки создания ценности внутри ТОР. К тому же при этом следует учитывать, что «якорные» инвесторы ТОР не всегда оправдывают надежды. Это автоматически снижает саму вероятность создания кластера в ТОР и его целевое назначение. Поэтому вопрос о создании и специализации кластера в ТОР необходимо прорабатывать с учетом деятельности не только «якорных», но и успешных доминирующих резидентов ТОР.

Именно такая стратегия стимулирования кооперационных связей между крупными предприятиями и сектором МСП в послевоенной Японии и других странах АТР привела к усилению конкурентных преимуществ всех участников производственного кластера, к стимулированию предпринимательства и быстрому росту экономики (Tabb, 1995; Meyer, 1997).

Как отмечалось выше, МСП играет особенно важную роль в развитии ТОР и региональной экономике, однако удельный вес прибыльных малых и средних предприятий-резидентов в общем числе предприятий ТОР намного ниже среднего показателя по России, и он снижается с размером предприятия. Более низкая сравнительная рентабельность может быть связана с тем, что данные по ТОР содержат большую долю стартапов и новых проектов, период окупаемости первоначальных инвестиций которых еще не завершен. В то время как показатель рентабельности вне ТОР (по России) включает в себя рентабельность всех существующих предприятий, независимо от их возраста. Тем не менее низкая рентабельность МСП в ТОР указывает на отсутствие положительного влияния режима, особенно для представителей МСП, и возможную расстановку приоритетов местными органами власти, при которой в первую очередь подведение инфраструктуры и прочих сервис оказываются сначала более крупным резидентам. Следовательно, необходимо внедрить ряд дополнительных мер, нацеленных на открытие и активизацию деятельности МСП внутри ТОР, а также выстраивать правильную структуру стимулов для их развития.

К тому же выявленная значительная разница между крупными предприятиями и сектором МСП, а также низкая прибыльность последних еще раз подтверждает, что успешное развитие ТОР возможно скорее путем объединения всеобщих усилий и стимулирования взаимодействия доминирующих компаний и «прочих» инвесторов, нежели путем привлечения разного рода новых резидентов и ожидания повышения эффективности ТОР в результате усиления конкуренции. В любом случае, наиболее важны результаты финансовой деятельности резидентов – создание правильных стимулов для долгосрочного планирования и инвестиций и способность ТОР генерировать прибыль.

Благодарность. Выражаем благодарность А. Голядкиной за помощь, оказанную в переводе статьи, и академику РАН, д-ру экон. наук, проф. П.А. Минакиру – за ценные комментарии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бакланов П.Я.* Территории опережающего развития – как новый инструмент регионального развития Тихоокеанской России // Трансграничные рынки товаров и услуг: проблемы исследования: мат-лы III Междунар. науч.-практ. конф. (7–8 ноября 2019, г. Владивосток). Владивосток: Дальневосточный федеральный университет, 2019. С. 8–15. <http://dx.doi.org/10.24866/7444-4654-3>
- Безпалов В.В., Ломакина Е.А.* Проблемы функционирования особых экономических зон в России // Экономика и современный менеджмент: теория и практика. 2015. № 45. С. 125–131.
- Жериборов Д.С., Князева Е.Г.* Особые экономические зоны в СССР и Российской Федерации (1980–2018) // Научный диалог. 2019. № 3. С. 246–260. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2019-3-246-260>
- За 10 лет ОЭЗ так и не стали действенным инструментом поддержки экономики / Счетная палата РФ. 2016. 27 мая. URL: <https://ach.gov.ru/checks/9903> (дата обращения: январь 2021).
- Заусаев В.К., Бурдакова Г.И., Кручак Н.А.* Территории опережающего развития: работа над ошибками // ЭКО. 2015. Т. 45. № 2. С. 76–86. <https://dx.doi.org/10.30680/ЕСО0131-7652-2015-2-76-86>
- Изотов Д.А.* Ускорение экономики Дальнего Востока: помогут ли новые институты? // Журнал Новой экономической ассоциации. 2018. № 2 (38). С. 155–163. <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2018-38-2-8>
- Исаев А.Г.* Инструменты политики экономического развития Дальнего Востока в контексте региональной экономической безопасности // Регионалистика. 2018. Т. 5. № 6. С. 70–82. <https://dx.doi.org/10.14530/reg.2018.6.70>
- Исаев А.Г.* Территории опережающего развития: новый инструмент региональной экономической политики // ЭКО. 2017. Т. 47. № 4. С. 61–77. <https://dx.doi.org/10.30680/ЕСО0131-7652-2017-4-61-77>
- Кашина Н.В.* Территории опережающего развития в Дальневосточном регионе. Особенности создания // Известия Дальневосточного федерального университета. Экономика и управление, 2015. № 3 (75). С. 29–41.

- Кашина Н.В. Территория опережающего развития: новый инструмент привлечения инвестиций на Дальний Восток // Экономика региона. 2016. № 2. С. 569–585.
- Козлов Л.Е., Волынчук А.Б. Региональная политика России на Дальнем Востоке в условиях неблагоприятной внешней среды (2014–2016 гг.) // Ойкумена. 2016. № 4. С. 24–35.
- Коновалова Т.А., Савельева М.А. Анализ эффективности деятельности особых экономических зон на территории Российской Федерации // Вопросы экономики и управления. 2018. № 3 (14). С. 28–33.
- Корпорация развития Дальнего Востока. Итоги 2019 года. 2020. 60 с. URL: <https://erdc.ru/upload/krdv-report-2019.pdf> (дата обращения: январь 2021).
- Кузнецов Б.Л., Кузнецова С.Б., Галиуллина Г.Ф. Территории опережающего развития: институциональные и региональные противоречия // Journal of New Economy. 2019. Т. 20. № 3. С. 23–37. <https://doi.org/10.29141/2658-5081-2019-20-3-2>
- Кузнецова О.В. Особые экономические зоны: эффективны или нет? // Пространственная экономика. 2016. № 4. С. 129–152. <http://dx.doi.org/10.14530/se.2016.4.129-152>
- Леонов С.Н. Инструменты реализации государственной региональной политики в отношении Дальнего Востока России // Пространственная экономика. 2017. № 2. С. 41–67. <http://dx.doi.org/10.14530/se.2017.2.041-067>
- Лукаш Е.Н., Бухарова Е.М. Анализ влияния территорий с особыми правовыми режимами на региональное развитие России // Проблемы прогнозирования. 2019. № 2. С. 152–162.
- Малое и среднее предпринимательство в России / ФСГС. 2019. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13223> (дата обращения: декабрь 2020).
- Матушевская Е.А. Формирование комплексного подхода к оценке эффективности функционирования свободной экономической зоны // Экономика региона. 2018. Т. 14. Вып. 3. С. 870–883. <https://doi.org/10.17059/2018-3-13>
- Минакир П.А. Новая стратегия развития Дальнего Востока России: оценка и перспективы // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2014. Т. 7. № 4 (36). С. 6–14.
- Минакир П.А. Ожидания и реалии политики «поворота на Восток» // Экономика региона. 2017. Т. 13. Вып. 4. С. 1016–1029. <https://doi.org/10.17059/2017-4-4>
- Минакир П.А., Прокапало О.М. Дальневосточный приоритет: инвестиционно-институциональные комбинации // Журнал Новой экономической ассоциации. 2018. № 2 (38). С. 146–155.
- Минакир П.А., Прокапало О.М. Российский Дальний Восток: экономические фобии и геополитические амбиции // ЭКО. 2017. № 4 (514). С. 5–26.
- Ниязова М.В. Свободные экономические зоны Дальнего Востока России: актуальные вопросы таможенного регулирования // Российский внешнеэкономический вестник. 2016. № 12. С. 43–59.
- О федеральном бюджете на 2021 год и на плановый период 2022 и 2023 годов: федеральный закон Российской Федерации от 08.12.2020 г. № 385-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_370144/ (дата обращения: декабрь 2020).
- Осипов В.А. Особые экономические зоны как ресурсы интенсификации экономического развития: российский и белорусский опыт // Отходы и ресурсы. 2018. Т. 5. № 4. С. 1–21. <http://dx.doi.org/10.15862/04ECOR418>
- Останин В.А. Эффективность свободных экономических зон: на примере конкурентных преимуществ модели свободного порта Владивосток // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2016. № 4 (77). С. 27–42.
- Повышение эффективности бюджетной политики в сфере государственной поддерж-

- ки за счет реализации комплексных инвестиционных проектов на территории Российской Федерации / под ред. И.Н. Рыковой. М.: Научно-исследовательский финансовый институт, 2016. 64 с.
- Попов В.Р.* Особые экономические зоны как инструмент управления инновационно-индустриальным развитием экономики региона // *Colloquium-Journal*. 2019. № 2–5 (26). С. 49–56.
- Севастьянов С.В., Реутов Д.А., Нянь С.* Первый опыт применения ТОР и СПВ в России и экспериментальных ЗСТ в Китае // *Ойкумена*. 2018. № 4. С. 96–108. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2018-4/96-108>
- Синенко О.А.* Проблемы оценки эффективности бюджетных расходов на территориях с особым экономическим статусом Дальнего Востока // *Вестник УрФУ. Серия экономика и управление*. 2017. Т. 16. № 5. С. 803–826. <http://dx.doi.org/10.15826/vestnik.2017.16.5.039>
- СП не увидела прорывного влияния преференциальных режимов на экономику России / Счетная палата. 2020. 9 апреля. URL: <https://ach.gov.ru/checks/10441> (дата обращения: январь 2021).
- Стецюк В.В.* Экономический анализ влияния реализации проектов «Территории опережающего развития и свободный порт Владивосток» на социально-экономическое развитие субъектов Дальнего Востока России // *Вестник Томского государственного университета. Экономика*. 2018. № 44. С. 104–124. <http://doi.org/10.17223/19988648/44/7>
- Швецов А.Н.* «Точки роста» или «черные дыры»? (К вопросу об эффективности применения «зональных» институтов госстимулирования оживления экономической динамики территорий) // *Российский экономический журнал*. 2016. № 3. С. 40–61.
- Янков К.В., Моисеев А.К., Евграфов Д.А.* Проблемы и перспективы развития особых экономических зон в России // *Проблемы прогнозирования*. 2016. № 3 (156). С. 101–110.
- Arai H.* New Instruments Attracting Investment into the Russian Far East: Preliminary Assessment // *Prostranstvennaya Ekonomika = Spatial Economics*. 2019. Vol. 15. No. 1. Pp. 157–169. <http://dx.doi.org/10.14530/se.2019.1.157-169>
- Baissac C.* Brief History of SEZs and Overview of Policy Debates // *Special Economic Zones in Africa: Comparing Performance and Learning from Global Experiences* / Edited by F. Thomas. Washington: The World Bank, 2011. Pp. 23–60. https://doi.org/10.1596/9780821386385_CH02
- Galiullina G.E.* Comparative Analysis of Operational Frameworks of Special Economic Zones in Russia // *R-Economy*. 2019. Vol. 5. No. 1. Pp. 25–37. <https://doi.org/10.15826/recon.2019.5.1.004>
- Gurkov I., Kokorina A., Saidov. Z.* Russian Territories of Outrunning Development in Mono Cities: Current and Prospective Opportunities for Foreign Investment into Manufacturing // *Journal of East-West Business*. 2020. Vol. 26. Issue 4. Pp. 365–390. <https://doi.org/10.1080/10669868.2020.1769794>
- Kuznetsov A., Kuznetsova O.* The Success and Failure of Russian SEZs: Some Policy Lessons // *Transnational Corporations Journal*. 2019. Vol. 26. Issue 2. Pp. 117–139. <https://doi.org/10.18356/89dba835-en>
- Makarov I.A.* Accelerated Development of the Russian Far East // *Russia in Global Affairs*. 2018. No. 3. Pp. 110–129. <http://doi.org/10.31278/1810-6374-2018-16-3-110-129>
- Meyer K.* Learning from the Asian Tigers. *Studies in Technology and Industrial Policy* // *Comparative Economic Studies*. 1997. Vol. 39. Pp. 95–97. <https://doi.org/10.1057/ces.1997.5>
- Min J., Kang B.* Promoting New Growth: ‘Advanced Special Economic Zones’ in the

- Russian Far East // Russia's Turn to the East: Domestic Policymaking and Regional Cooperation / Edited by H. Blakkisrud, E.W. Rowe. Palgrave Macmillan, 2018. Pp. 51–74. https://doi.org/10.1007/978-3-319-69790-1_4
- Sosnovskikh S. Advanced Economic Policies in the Far East of Russia / SSRN. 2019. 27 p. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3554366>
- Sosnovskikh S. Industrial Clusters in Russia: The Development of Special Economic Zones and Industrial Parks // Russian Journal of Economics. 2017. No. 3. Pp. 174–199. <https://doi.org/10.1016/j.ruje.2017.06.004>
- Special Economic Zones: Performance, Lessons Learned, and Implications for Zone Development / FIAS. Washington: The World Bank Group, 2008. 73 p. URL: <http://documents1.worldbank.org/curated/en/343901468330977533/pdf/458690WP0Box331s0April200801PUBLIC1.pdf> (дата обращения: декабрь 2020).
- Tabb W.K. The Postwar Japanese System: Cultural Economy and Economic Transformation. Oxford University Press, 1995. 426 p.
- Turgel I.D., Bozhko L.G., Zinovyeva E.G. Cluster Approach to Organization of Special Economic Zones in Russia and Kazakhstan // R-Economy. 2019. Vol. 5. No. 2. Pp. 71–78. <https://doi.org/10.15826/recon.2019.5.2.008>
- World Investment Report 2019: Special Economic Zones / UNCTAD. Geneva, 2019. 222 p.
- Zeng D.Zh. Special Economic Zones: Lessons from the Global Experience / PEDL. Synthesis Paper Series No. 1. 2016. 28 p. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/media/586f9727e5274a130700012d/PEDL_Synthesis_Paper_Piece_No_1.pdf (дата обращения: январь 2021).

REFERENCES

- Accounts Chamber Did not See a Breakthrough Effect of Preferential Regimes on the Russian Economy.* Accounts Chamber of the Russian Federation, 2020, 9 April. Available at: <https://ach.gov.ru/checks/10441> (accessed January 2021). (In Russian).
- Arai H. New Instruments Attracting Investment into the Russian Far East: Preliminary Assessment. *Prostranstvennaya Ekonomika = Spatial Economics*, 2019, vol. 15, no. 1, pp. 157–169. <http://dx.doi.org/10.14530/se.2019.1.157-169>
- Baissac C. Brief History of SEZs and Overview of Policy Debates. *Special Economic Zones in Africa: Comparing Performance and Learning from Global Experiences.* Edited by F. Thomas. Washington: The World Bank, 2011, pp. 23–60. https://doi.org/10.1596/9780821386385_CH02
- Baklanov P.Ya. Territories of Advanced Development: A New Tool for Regional Development of Pacific Russia. *Cross-Border Markets of Goods and Services: Issues of Research. III International Research and Practical Conference Proceedings (November 7–8, 2019, Vladivostok).* Vladivostok, 2019, pp. 8–15. <http://dx.doi.org/10.24866/7444-4654-3> (In Russian).
- Bezpalov V.V., Lomakina E.A. Problems of Functioning of Special Economic Zones in Russia. *Ekonomika i Sovremennyyi Menedzhment: Teoriya i Praktika* [Economics and Modern Management: Theory and Practice], 2015, no. 45, pp. 125–131. (In Russian).
- Far East Development Corporation. Results of 2019, 2020*, 60 p. Available at: <https://erdc.ru/upload/krdv-report-2019.pdf> (accessed January 2021). (In Russian).
- Galiullina G.E. Comparative Analysis of Operational Frameworks of Special Economic Zones in Russia. *R-Economy*, 2019, vol. 5, no. 1, pp. 25–37. <https://doi.org/10.15826/recon.2019.5.1.004>
- Gurkov I., Kokorina A., Saidov. Z. Russian Territories of Outrunning Development in Mono

- Cities: Current and Prospective Opportunities for Foreign Investment into Manufacturing. *Journal of East-West Business*, 2020, vol. 26, issue 4, pp. 365–390. <https://doi.org/10.1080/10669868.2020.1769794>
- Improving the Effectiveness of the Budget Policy in the Field of State Support through the Implementation of Complex Investment Projects in the Territory of the Russian Federation*. Edited by I.N. Rykova. Moscow, 2016, 64 p. (In Russian).
- Isaev A.G. Policy Instruments of the Russian Far East Economic Development and Regional Economic Security. *Regionalistica* [Regionalistics], 2018, vol. 5, no. 6, pp. 70–82. <https://dx.doi.org/10.14530/reg.2018.6.70> (In Russian).
- Isaev A.G. The Territories of Accelerated Development: New Instrument of Regional Economic Policy. *EKO = ECO Journal*, 2017, vol. 47, no. 4, pp. 61–77. <https://dx.doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2017-4-61-77> (In Russian).
- Izotov D.A. The Desire to Speed Up the Russian Far Eastern Economy: Will the ‘New’ Institutional Conditions Help? *Zhurnal Novoy Ekonomicheskoy Assotsiatsii = Journal of the New Economic Association*, 2018, no. 2 (38), pp. 155–163. <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2018-38-2-8> (In Russian).
- Kashina N.V. Priority Development Areas: A New Tool for Attracting Investment in the Far East of Russia. *Ekonomika Regiona = Economy of Region*, 2016, vol. 12, no. 2, pp. 569–585. (In Russian).
- Kashina N.V. Territories of Advanced Development in the Far East Region: Peculiarities of their Establishment. *Izvestiya DVFU. Ekonomika i Upravlenie = The Bulletin of the Far Eastern Federal University. Economics and Management*, 2015, no. 3 (75), pp. 29–41. (In Russian).
- Konovalova T.A., Saveleva M.A. Analysis of the Effectiveness of Special Economic Zones on the Territory of the Russian Federation. *Voprosy Ekonomiki i Upravleniya* [Economic and Management Issues], 2018, no. 3 (14), pp. 28–33. (In Russian).
- Kozlov L.E., Volynchuk A.B. Regional Policy of Russia in the Far East in an Unfavorable External Environment (2014–2016). *Ojkumena. Regionovedcheskie Issledovaniya = Ojkumena. Regional Researches*, 2016, no. 4, pp. 24–35. (In Russian).
- Kuznetsov A., Kuznetsova O. The Success and Failure of Russian SEZs: Some Policy Lessons. *Transnational Corporations Journal*, 2019, vol. 26, issue 2, pp. 117–139. <https://doi.org/10.18356/89dba835-en>
- Kuznetsov B.L., Kuznetsova S.B., Galiullina G.F. Advanced Development Territories: Institutional and Regional Contradictions. *Journal of New Economy*, 2019, vol. 20, no. 3, pp. 23–37. <https://doi.org/10.29141/2658-5081-2019-20-3-2> (In Russian).
- Kuznetsova O.V. Special Economic Zones: Efficient or Not? *Prostranstvennaya Ekonomika = Spatial Economics*, 2016, no. 4, pp. 129–152. <http://dx.doi.org/10.14530/se.2016.4.129-152> (In Russian).
- Leonov S.N. Tools of the State Regional Policy in the Russian Far East. *Prostranstvennaya Ekonomika = Spatial Economics*, 2017, no. 2, pp. 41–67. <http://dx.doi.org/10.14530/se.2017.2.041-067> (In Russian).
- Lukash E.N., Bukharova E.M. Analysis of the Effect of Territories with Special Legal Regimes on the Regional Development of Russia: An Econometric Approach. *Problemy Prognozirovaniya = Studies on Russian Economic Development*, 2019, vol. 30, no. 2, pp. 221–228. (In Russian).
- Makarov I.A. Accelerated Development of the Russian Far East. *Russia in Global Affairs*, 2018, no. 3, pp. 110–129. <http://doi.org/10.31278/1810-6374-2018-16-3-110-129>
- Matushevskaya E.A. An Integrated Approach to Evaluating the Effectiveness of Functioning of Free Economic Zone. *Ekonomika Regiona = Economy of Region*, 2018, vol. 14, no. 3, pp. 870–883. <https://doi.org/10.17059/2018-3-13> (In Russian).
- Meyer K. Learning from the Asian Tigers. *Studies in Technology and Industrial Policy*.

- Comparative Economic Studies*, 1997, vol. 39, pp. 95–97. <https://doi.org/10.1057/ces.1997.5>
- Min J., Kang B. Promoting New Growth: ‘Advanced Special Economic Zones’ in the Russian Far East. *Russia’s Turn to the East: Domestic Policymaking and Regional Cooperation*. Edited by H. Blakkisrud, E.W. Rowe. Palgrave Macmillan, 2018, pp. 51–74. https://doi.org/10.1007/978-3-319-69790-1_4
- Minakir P.A. ‘Turn to the East’ Policy: Expectations and Reality. *Ekonomika Regiona = Economy of Region*, 2017, vol. 13, no. 4, pp. 1016–1029. <https://doi.org/10.17059/2017-4-4> (In Russian).
- Minakir P.A. New Development Strategy of the Russian Far East: Assessment and Prospects. *Kontury Globalnykh Transformatsiy: Politika, Ekonomika, Pravo = Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, 2014, vol. 7, no. 4 (36), pp. 6–14. (In Russian).
- Minakir P.A., Prokapalo O.M. Far East-Priority: Combinations of Investment and Institutes. *Zhurnal Novoy Ekonomicheskoy Assotsiatsii = Journal of the New Economic Association*, 2018, no. 2 (38), pp. 146–155. (In Russian).
- Minakir P.A., Prokapalo O.M. Russian Far East: Economic Phobias and Geopolitical Ambitions. *EKO = ECO Journal*, 2017, no. 4 (514), pp. 5–26. (In Russian).
- Niyazova M.V. Special Economic Zones of the Russian Far East: Recent Trends in Customs Regulation. *Rossiyskiy Vneshneekonomicheskii Vestnik = Russian Foreign Economic Journal*, 2016, no. 12, pp. 43–59. (In Russian).
- On the Federal Budget for 2021 and for the Planning Period of 2022 and 2023: Federal Law of the Russian Federation No. 385-FZ of December 8, 2020*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_370144/ (accessed December 2020). (In Russian).
- Osipov V.A. Special Economic Zones as a Resource for Intensification of Economic Development: Russian and Belarusian Experience. *Othody i Resursy [Waste and Resources]*, 2018, vol. 5, no. 4, pp. 1–21. <http://dx.doi.org/10.15862/04ECOR418> (In Russian).
- Ostanin V.A. Effectiveness of Free Economic Zones: By the Example of Competitive Advantages of Model of Vladivostok Free Port. *Tamozhennaya Politika Rossii na Dalnem Vostoke = Customs Policy of Russia in the Far East*, 2016, no. 4 (77), pp. 27–42. (In Russian).
- Popov V.R. Special Economic Zones as a Management Instrument of Innovation and Industrial Development of the Region’s Economy. *Colloquium-Journal*, 2019, no. 2–5 (26), pp. 49–56. (In Russian).
- Sevastianov S.V., Reutov D.A., Nian Xuezhui. First Experience in Implementing TAD and SPV Regimes in Russia and Experimental FTZS in China. *Ojkumena. Regionovedcheskie Issledovaniya = Ojkumena. Regional Researches*, 2018, no. 4, pp. 96–108. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2018-4/96-108> (In Russian).
- Shvetsov A.N. ‘Points of Growth’ or ‘Black Holes’? (Concerning Application Effectiveness of ‘Zonal’ Tools for Government Boosting of Territories’ Economic Dynamics). *Rossiyskiy Ekonomicheskii Zhurnal = Russian Economic Journal*, 2016, no. 3, pp. 40–61. (In Russian).
- Sinenko O.A. Problems of Assessing the Effectiveness of Budget Expenditures in the Territories with Special Economic Status of the Far East. *Vestneyk UrFU. Seriya Ekonomika i Upravlenie = Bulletin of Ural Federal University. Series Economics and Management*, 2017, vol. 16, no. 5, pp. 803–826. <http://dx.doi.org/10.15826/vestnik.2017.16.5.039> (In Russian).
- Small and Medium Business in Russia*. Federal State Statistics Service, 2019. Available at: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13223> (accessed December 2020). (In Russian).

- Sosnovskikh S. *Advanced Economic Policies in the Far East of Russia*. SSRN, 2019, 27 p. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3554366>
- Sosnovskikh S. Industrial Clusters in Russia: The Development of Special Economic Zones and Industrial Parks. *Russian Journal of Economics*, 2017, no. 3, pp. 174–199. <https://doi.org/10.1016/j.ruje.2017.06.004>
- Special Economic Zones Have not Become an Effective Tool for Supporting the Economy for 10 Years*. Accounts Chamber of the Russian Federation, 2016, May 27. Available at: <https://ach.gov.ru/checks/9903> (accessed January 2021). (In Russian).
- Special Economic Zones: Performance, Lessons Learned, and Implications for Zone Development*. FIAS. Washington: The World Bank Group, 2008, 73 p. Available at: <http://documents1.worldbank.org/curated/en/343901468330977533/pdf/458690WP0Box331s0April200801PUBLIC1.pdf> (accessed December 2020).
- Stetsyuk V.V. Economic Analysis to Estimate the Impact of the Territory of Advanced Development and Free Port of Vladivostok Implementation on Social and Economic Development of Constituent Entities of the Russian Far East. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Ekonomika = Tomsk State University Journal of Economics*, 2018, no. 44, pp. 104–124. <http://doi.org/10.17223/19988648/44/7> (In Russian).
- Tabb W.K. *The Postwar Japanese System: Cultural Economy and Economic Transformation*. Oxford University Press, 1995, 426 p.
- Turgel I.D., Bozhko L.G., Zinovyeva E.G. Cluster Approach to Organization of Special Economic Zones in Russia and Kazakhstan. *R-Economy*, 2019, vol. 5, no. 2, pp. 71–78. <https://doi.org/10.15826/recon.2019.5.2.008>
- World Investment Report 2019: Special Economic Zones*. UNCTAD, Geneva, 2019, 222 p.
- Yankov K.V., Moiseev A.K., Efgrafov D.A. Problems and Prospects of Special Economic Zones in Russia. *Problemy Prognozirovaniya = Studies on Russian Economic Development*, 2016, vol. 27, no. 3 (156), pp. 311–317. (In Russian).
- Zausaev V.K., Burdakova G.I., Kruchak N.A. Territories of Accelerated Development: Work on the Bugs. *EKO = ECO Journal*, 2015, vol. 45, no. 2, pp. 76–86. <https://dx.doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2015-2-76-86> (In Russian).
- Zeng D.Zh. *Special Economic Zones: Lessons from the Global Experience*. PEDL. Synthesis Paper Series No. 1, 2016, 28 p. Available at: https://assets.publishing.service.gov.uk/media/586f9727e5274a130700012d/PEDL_Synthesis_Paper_Piece_No_1.pdf (accessed January 2021).
- Zheriborov D.S., Knyazeva E.G. Special Economic Zones in USSR and Russian Federation (1980–2018). *Nauchnyi Dialog = Russian Education and Society*, 2019, no. 3, pp. 246–260. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2019-3-246-260> (In Russian).

Поступила в редакцию / Submitted: 04.01.2021

Принята к публикации / Revised: 25.01.2021

Опубликована online / Published online: 30.03.2021